

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 47

1984

Гулрухсор САФИЕВА

РАДИ ТЕБЯ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

Гулрухсор САФИЕВА

РАДИ ТЕБЯ

СТИХИ

Перевод с таджикского

Гулрухсор САФИЕВА

Гулрухсор Сафиева родилась в 1947 году в кишлаке Яхч Комсомолабадского района Таджикской ССР.

В 1968 году окончила филологический факультет Таджикского государственного университета имени Ленина. Работала в редакции газеты «Комсомоли Тоджикистон», заведовала сектором печати ЦК ЛКСМ республики, была редактором газеты «Пионери Тоджикистон». В настоящее время — секретарь правления Союза писателей Таджикистана.

Первые стихи Г. Сафиевой были опубликованы в 1962 году и впоследствии печатались в газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Литературная Россия», а также в журналах «Юность», «Молодая гвардия», «Огонек», «Смена», «Дружба народов» и других. Сафиева — автор около двадцати поэтических сборников на таджикском и русском языках, среди которых наиболее известны «Фиалка», «Песня родника», «Отчий дом», «Зеленая колыбель», «Навруз», «Откровение в полдень».

Стихи поэтессы переводились на многие языки народов СССР и зарубежных стран.

Гулрухсор Сафиева — лауреат премии комсомола Таджикистана, лауреат премии Всесоюзного Ленинского комсомола.

ОТЧИЗНА

Таджикистан,
Ты — мой, до крошечного камня.
Мне твой засохший куст дороже роз в цвету.
Добра я — от тебя досталась доброта мне.
Красива — это ты мне отдал красоту.

Пусть высока цена у желтого металла,
Пусть нелегко его найти в лесной глуши,
Но Родина моя богатства измеряла
Единственно — ценой ей преданной души.

Дочь гор берет от гор себе на украшенья,
Ей мелки и пусты о золоте мечты.
Вода из родника, лепешка, птичье пенье —
Все это для нее.
Ей не до суеты.

А горы высоки от серебра и злата.
Высок Таджикистан высотами детей.
На каждой круче — дом.
И в каждом доме свято —
Любовь ко всей земле и к Родине своей.

О малая страна — страна больших людей!

МАТЬ

Сад материнский жизни, он осыпан
Цветами алычи,
И что ни миг —
Мать своим сердцем тянется за сыном,
А сын из дома рваться вдаль привык.

Когда же сердце за стеной соседской
Оставит сын,—
Сперва заплачет мать,
А после радость в материнском сердце
Ничто не в силах будет удержать.

В сыновнем сердце бьется риск полета,
Оно готово за любовь на бой.
А мать близка к земле.
И оттого-то
Довольствуется будничной судьбой.

А в жизни — то опасность, то тревога
Уводят нас, победу нам суля.
И тянется сыновняя дорога
(Взгляд материнский к ней прикован строго!)
Сквозь мирные и минные поля.

А в сердце материнском — то смятенье,
То счастье, то обида, то испуг.
И может только алычи цветенье
В нем излечить и рану и недуг.

У матери полны надеждой взоры,
В них — всепрощенье, доброта, покой...
Сын — матери извечная опора.
Мать — держит на ладонях
Шар земной.

СЫНУ АЗИЗУ

Спокойной тебе ночи, мой сынок!
Пусть ласково прильнет к тебе подушка!
И пусть судьба, любимый мой, к тебе
И доброй будет и великодушной.

И хоть ее мне не предугадать,
Для подвига родился ты не поздно:
Предвижу день, когда мой горный край
Двух-трех своих мужчин направит к звездам.

И чтобы до утра ты мог уснуть,
Покой и сон свой отдаю тебе я.
Бессонно я на страже, мой сынок,
Над колыбелью тихую твоюю.

Бессонно сердце матери твоей
Любовью наполняется и светом.
И шар земной, и наш родимый край,
И я сама сегодня верим в это:

Ты не сломаешь деревце, сынок,
К винтовке не потянешься руками,
Бездомного котенка не убьешь
И в стаю голубей не бросишь камень.

Товарища сумеешь уберечь
От лжи — не только детского недуга.
Играй, сынок!
Но и в игре учись
Быть для других защитником и другом.

Учись на всех ошибках, мой сынок,
Чтоб их не сделать собственной судьбою.
И отрывайся от моих тревог,
Чтоб мне следить спокойно за тобою.

* * *

Учителя мой!
Я глаз поднять не смею.
За прежнюю свою запальчивость краснею,
За громогласность фраз,
За слезы в тишине,
За беззащитность строк — за гонор рядом с нею...

А может, это все приснилось просто мне?
Как сам Фирдоуси — вершина надо мною.
Вниз падает река, простившись с крутизною.
Наивная, куда, круша о камни лоб,
Летит
И бредит вновь дорогою прямою?

Оставив речку ту,
Что познает в тревоге,
Собой не дорожа, все тяготы дороги,
За мудростью к земле решаюсь я идти.
Обязан жизнью ей поэт любой эпохи —
Его извечно ждет она в конце пути.

И вот встречаю я дехканина. Стремится
Засеять к сроку он родной земли страницы.
Он говорит:
— К земле привязан я давно.
О пашне мне судить, раз мне на ней трудиться.—
И он заводит песнь, а в ней свое зерно:
«Мир — золотой кувшин, что под лучом искрится,
А в нем порой сладка, порой горька водица...»
И жизнь и труд его — все в песне сведено.

Народ мой, пред тобой остановлюсь в смущенье.
В простых твоих словах звучит стихотворенье.
На языке своем рифмую: хлеб — душа,
Мир — море, совесть — космос.
Откровенье
На языке любом мертво без вдохновенья.
Ты вечен, мой народ, ты вечен, без сомненья,
Над гробом старика, над люлькой малыша.

В застолье иль в труде, иль в дружеской беседе
О том или ином припомнишь ты поэте.
Хафиз и Саади украсят твой порог.
Народ мой, ты поэт.
Как не гордиться этим?
Как не гордиться тем, что, голос мой отметив,
Поэтом и меня с надеждой ты нарек?..

ПОСЛАНИЕ БОЛГАРСКОМУ ПОЭТУ И.МИЛЕВУ

(По поводу перевода им «Шахнаме»)

Да, в сердце стон, когда кругом пороки.
Ошибся царь, а гибнут бедняки.
Учитель виноват, когда с дороги
Сбиваются его ученики.

И потому, пока жив дух Махмуда¹,
К Фирдоуси нам припадать не раз.
Покуда живы гнев и злость Махмуда,
Нам нужен гибкий ум и зоркий глаз.

Дробь барабана слышит вся планета,
В столетиях звенит Рустама щит.

¹ Царь Махмуд Газнави, который так и не прочел посвященную ему Фирдоуси поэму «Шахнаме».

Ложится правда на уста поэта,
И с Тахминой² весь род людской грустит.

Коль жизнь Сухроба³ так же под угрозой,
Коль нет сердец, не знающих тоски,
Пусть очищением к нам приходят слезы,
Хоть плакать, говорят, не по-мужски.

Махмудом не прочтенная поэма
Живет, переходя из уст в уста.
Живет.

А ведь она когда-то немо
Из года в год лежала неспроста.

Над «Шахнаме» и нынче плачут люди,
Мы плачем над Рустамовой судьбой.
Пусть разум
Властвовать над гневом будет,
Пусть зло падет пред силой иль мольбой.

Пусть меч не будет выхвачен из ножен,
И пусть отцом убит не будет сын,
И ждущий наконец дожждаться сможет,
И конь Рустама не придет один...

ГОСТЬЯ

Мой смех звучал из-за горы Манор,
Он был подхвачен речкой Сардарюю.
Лань, что на миг застыла среди гор,
Беспечный этот смех лишил покоя.

Подхвачен куропаткой был мой смех.
Цвет дикой яблони опал на землю.
И медвежонок в материнский мех
Уткнулся влажным носом, смеху внемля.

Услышав смех, испуганный сурок,
Не размышляя, быстро юркнул в нору.
...Плач сироты-девчонки в давний срок
В себя вобрали всею твердью горы.

Мой смех сегодня,
Мой вчерашний плач —
В обоих бьется жизнь, не остывая.

²Герои поэмы Фирдоуси.

³Герой поэмы Фирдоуси.

И нынче я смеюсь средь неудач,
От сына слезы горькие скрывая.

Я глажу каждый камешек земли,
Целую в губы родничок капризный,
— Не надоело ль жить от нас вдали? —
Колочка вопрошает с укоризной.

Я в город тороплюсь.

— Не уходи! —

Кричит мне вслед цветок, пуглив и тонок.
И родничок, оставшись позади,
Бежит за мной и плачет, как ребенок.

* * *

Ради тебя я в этот мир пришла.
Ради тебя — чтоб быть с тобою рядом.
Чтоб излечить твои недуги взглядом,
Спасти тебя и уберечь от зла,
И в горький час твоею быть отрадой.
Ради тебя я в этот мир пришла,

Ради тебя я в этот мир пришла,
Меня окликнул ты — я появилась.
Благодарю за все, что мне открылось;
За свет, за боль, которыми жила,
За ту любовь, внезапную, как милость.
Ради тебя я в этот мир пришла!

И до меня река текла, звеня.
Гора вздымалась глыбою немойю.
И смерть, как прежде, спорила с любовью.
Жизнь возгоралась, словно от огня.
Все, что на свет я принесла с собою,
Все это было — было до меня.
Ради тебя я в этот мир пришла.

Но если вдруг тебе я в тягость стану,
И все вокруг обидой, как туманом,
Затянется, и догорит дотла
Костер, гудевший в сердце неустанно.
Уйду с пути — твоя тропа светла!
Уйду — и несогбенна и горда,

С печальными, с прощальными глазами.
Я не отягощу тебя слезами.
И вслед за мной уйдет моя беда —
Любовь моя уйдет, куда — не знаю,
Но сердцем ощущаю холода.
Ты луч, перед которым тает мгла.
И если жизнь ради тебя дана мне,
Отдам ее всю — от звезды до камня!
Ради тебя я в этот мир пришла.

СПАСЕНИЕ

От промахов,
От сплетен
И от зла
Я тщательно себя оберегала.
Да и тебя спасала, как могла,
От всех твоих ошибок я, бывало.

И гордой я жила,
И потому
Спокойно отвергала я соблазны,
Так заперлась я в собственном доме,
Но дом — увы! — напоминал тюрьму,
Где тщила я тебя забыть напрасно.

И жизнь из дома выгнала меня
Туда, где было
Грешных глаз горенье,
Где под твоим крылом
Средь бела дня
Должна была я обрести спасенье.

Где никого на свете, кроме нас.
Глаза закрою — ты перед глазами.
Но из глубин
Твоих печальных глаз
Ребенок твой — и там! — следил за нами.

Ищу спасенья —
От любви,
От лжи,
От сплетен,
От послешных приговоров.

Как мне спастись от этого, скажи?
Какие возвести еще заборы?

Я плачу.
Если б выплакать могла
Все то, что душу рвет мою на части...
Как сель, в мой дом врывается хула,
Но у тебя в дому пусть будет счастье!

* * *

Бесстрашною рукой поймала я пчелу,
В руке пчелиный яд с пчелиным слился медом.
И встрепенулась я — познать свою природу.
Разбито сердце, но — но длится бытие.
«Кто тверже камня, кто нежнее лепестка?» —
Ответить на вопрос я не сумела с ходу.

И все ж я поняла, что вся земля вокруг
Для нас единый дом, единое строенье.
Мне в завязи цветка открыта близость тленья,
В мужчине вижу я растерянность порой,
Я словно на весы кладу добро и зло,
Но уравнивать их вес не просто, к сожаленью.

Пусть ошибаюсь я — я к истине иду.
Как ни горька она, но к ней тянусь я все же,
От гибели людей спасти она лишь может.
Ошибка — и само рождение мое,
Но об ошибке той пусть судит только мать,
Пусть это только мать волнует и тревожит.

Ошибочно и я считала, что в любви
Всегда, во все века равны и шах и нищий
И что река назад себе пути не ищет.
Не правда ли, смешно: в теплице слышен мне
Тяжелый стон цветов, в себе таящий страсть,
Меж тем как за стеной весна поет и свищет!

Немало помню я свиданий и разлук.
Покой и непокой хранит душа живая.
Как от ошибок мне спасти ее — не знаю.
Ведь молодость ведет глупца и мудреца.
Один подарит свет, другой отнимет свет...
Все крайности познав,
О Человек, сыта я!

* * *

Мое сердце — подранок двадцатого века.
Только вера с надеждой его исцелят.
В нем погибла любовь,—
Так в бою беззаветно
Погибает за час до победы солдат.

Не вернется любовь.
Но горчайшею новью
Одиночество явится, сердце казня.
Ты, живущий и ныне моею любовью,
Для чего ты так мучаешь долго меня?

Сердце, сколько же я совершила ошибок!
Пред тобой, пред собою была я грешна.
Ты хотело правдивых и слов и улыбок,
Но, напротив, был путь мой и путан и зыбок,—
Эта двойственность мне во страданье дана.

Сердце, сердце, ты бредишь любовью
Огромной,
Не вернется все то, что когда-то ушло.
Видишь, сердце,
Как много вокруг хладнокровных,
Так ли необходимо им наше тепло?

И действительно ли
В век блестящих идей
Стало меньше рождений и больше смертей?..

ЗАПОЗДАЛАЯ ВСТРЕЧА

А сердце — сердце встречи ждет давно.
Я гордостью распрявлена открыто.
Сто взглядов на меня устремлено,
Но я взята любовью под защиту.

Мои глаза удлинены сурьмой.
Мой дом не тих — в нем бой, в нем гуд пожара.

Иду к тебе...
И чувствую спиной
Всех ста камней смертельные удары.

За тьму разлук — мучительную тьму
Наградою мне робкая надежда.
Снег за окном.
Гроза в моем доме.
Смотри, на мне весенние одежды!

Я не войны,
Я совести солдат.
Во мне смятенье с храбростью едины.
Что сбиты крылья — ты в том виноват,
Ты — дерзкий,
Ты — крылатый,
Ты — мужчина!

Хмелен рассудок и на сердце крик.
Сто выстрелов. Сто взглядов.
Дай мне ласки!
Я целый век звала вот этот миг,
Чтоб свить гнездо однажды без опаски.

Иду к тебе, стараюсь не бежать,
Иду, как вор, но слышу голос сына.
Как ни бегу, как ни спешу — опять
Звучит:
— Постой, я голоден, я стыну!

Судьбе шепчу проклятья в тишине.
Наряды прочь. Сурьму мгновенно смыла.
Я остаюсь.
Не быть красивой мне.
Как трудно возвращаться, как постыло...

Вот на открытке роза расцвела,
Да что-то в ней живых изгибов мало...
Когда бы встреча все ж произошла...
Но голоден мой сын.
И я устала.
И словно тень мне на лицо легла.

В ОДИН ГОЛОС С ПЛАЧУЩИМ РЕБЕНКОМ

От незнания — твои огорченья.
От прозренья — в душе моей боль.
Ты своей недоволен игрушкой,
Я своей недовольна судьбой.

Или, может, ты кем-то обижен,
Может, кто-то тебя обманул,
Или кто-то тебе не ответил,
Или попросту кто-то толкнул?

Что ты плачешь?
В неведение — счастье.
Подрастешь — и пройдет этот страх,
Сам однажды обидишь кого-то,
Сам кого-то оставишь в слезах.

Чью ошибку готов повторить ты?
Ничего от меня не таи.
От незнания — твои огорченья.
От рассудка — все беды мои.

И глупы и мудры мы с тобою.
То смеемся, то плачем вдвоем.
Может, оба мы — малые дети
В этом мире, огромном таком?

Я давно в нем свой путь отыскала.
А тебе еще путь свой искать.
И ошибок, допущенных мною,
Хорошо бы тебе избежать...

БЕГУ ОТ СЕБЯ

О, эта знакомая пламени жажда!
Бежать от себя, задыхаться, гореть.
Родиться мне выпало
Только однажды —
Мне только однажды и встретится смерть!

Но как от себя убежать, чтобы снова
Могло меня детство в пути окликать
И чтоб никогда среди счастья чужого
Мне сердца потерянного не искать?

Я б радуго весело сдернула с неба —
О, как мне к лицу семицветный наряд! —
Воды в роднике зачерпнула бы смело —
Веселые звезды в ладонях горят!

Но как от себя убежать, чтобы в стужу
Забыть, что под снегом таится цветок,
Не верить тому, кому верить не нужно,
И ласки не ждать от того, кто жесток?

Чтоб жить, принимая и радость и горе,
С пространством сойдясь нераздельностью всей,
И птицею белою, с высью поспоря,
Забыть об оставленной клетке своей.

О, эта знакомая пламени жажда,
Бегу от себя —
Возвращаюсь опять.
Ты, сердце, так жарко забилося однажды,
Так сколько же раз тебе вдруг замирать?..

ЖАЖДА

«У студеной воды от жажды погибаем...»

Народная песня

Тоскую по реке, но далеко она.
А сердце по тому болит, в ком сердца нет.
Убить бы смехом боль, да на словах сильна...
И меркнет для меня дневной веселый свет.
И знаю только я:
 восход мой — как закат,
а надо эту жизнь еще пройти, прожить.
И даже от цветов сочится смертный яд,
и плети кос меня готовы задушить.
Мой огненный, мой Согд!

О, как горит твой взгляд!

Не скрыться от него,
и жжет мне душу страх..
Самосожженцы мы, огонь не виноват.
И сами счастье мы сжигаем на кострах.

Сжигаем юность чувств, бутонов красоту,
сжигаем хрупкость встреч, наивность милых ссор.
Сжигаем мы свою заветную мечту,
и сердце навсегда — одно среди вечных гор.
О жажда!

Утолить ее не в силах я.
Скучает мой родник по мне так много лет.
Земля раскалена. Горит душа моя.
Но сердце по тому болит, в ком сердца нет.

* * *

Эти руки, мой друг, эти очи,
что тоскуют, ликують, пророчат,
то отталкивая, то маня, —
это я.

Мой язык, воспевающий душу,
рот — кричащий, молчащий и ждущий,
льда бесстрастность и пылкость огня —
это я.

Сожаленье, сомнения, горечь,
то пугливость, строптивость и гордость,
то податливость ковыля —
это я.

Дар терпения в горе и бедствиях
получила от мамы в наследство я,
смелость взгляда и строгость лица —
от отца.

Ах, каштановые мои волосы —
меж лопаток текут ниже пояса.
Это я. Мое сердце в крови
от любви.

Я смеюсь, провожая, встречая...
Если кто-то отринет печали,
лишь надеждою лоб опая —
это я.

Все прекрасно! Меня не жалейте!
Плачу только в предчувствии смерти,
а пока я жива, пусть в кулак
плачет враг.

ПРАЗДНИК КОЛЫБЕЛИ ¹

(Из цикла «Зеленая колыбель»)

Качается в доме моем колыбелька неспешно.
Стал центром вращения стоцветной планеты
мой дом.

С мольбою смотрю на дитя:
Неужель неизбежно
О войнах ему суждено будет думать потом...

Надежда на счастье улыбкой мне тронула
губы.
У мыслей о жизни и чести я нынче в плену.
Сплетаю тесемки из шелка, чтоб были не
грубы,
Когда одеяльце на сыне я ими стяну.

Огонь в очаге теплотою зовет меня властно.
(Так Когда огонь даже в стужу был полон
тепла.)

А я колыбель украшаю с любовью и лаской,
Все лучшее сыну дарю, что в себе сберегла.
Кладу в изголовье я томик Хафиза на счастье,
И сыплю муку — чтобы светлыми были пути.
Чтоб жизнь была сладкой, дарю ребятишкам
я сласти.
Но где колокольчик надежды смогу я найти?

Эй, хлеботорговцы и душеторговцы, скорее,
Эй, денег рабы, нужен мне колокольчик, хоть
плачь!

Скажите лишь цену, а я расплатиться сумею,
А без колокольчика
Я словно нищий богач.

Родился ребенок — пусть сгинут повсюду
темницы.
Пусть разума храм распахнет свою дверь
перед ним.
Родился ребенок — счастливая мать им
гордится,
И он от беды материнскою верой храним.

¹ День, когда ребенка впервые кладут в колыбель.

Пожалуйте, гости,
Вы сами наполнены светом!
Для праздника жизни не так уж и тесен мой дом.

И все, кто со мной веселится на празднике этом.

Свои и чужие поместятся в сердце моем.

На ваши подарки надеется очень хозяйка.
Нет, нет, не одежды вносите вы в это жилье,
И хоть свое сердце она истомила слезами,
Искусственным сердцем вы все ж не прельстите ее.

Вот если бы создали вы колокольчик надежды!

Чтоб сын просыпался от легкого звона его,
Чтоб пел по утрам,
Чтобы мне улыбался он нежно,
Чтоб видел не слезы, а утренних рос колдовство.

О, если бы вы — ради нас! — сохранили планету!
Пусть море синее, пусть травы рождаются, звеня,

Пусть будет лучами пшеничное поле согрето —

И все ради нас,
Ради сына и ради меня.

Я — ветка, которая держит листок удивленный,
И с этою ношей, как будто бы впав в забытье,
Плывет во Вселенной Земля колыбелью зеленой,
И сын подрастает — надежный защитник ее.

* * *

За хлебом насущным спешит муравей.
Луч тянется с мраком покончить скорей.
К зениту иду вереницами дней.
Сгораю дотла, но горю все сильнее.
Восходит звезда над дорогой моей,
Куда и откуда дорога — не знаю.

Но только лишь освобожусь от забот,
Пронзительной искрой лечу в небосвод.
За холод души, за тщеславия гнет
Я перед любовью в долгу что ни год.
Иду я — мой долг меня к цели ведет.
Иду я — довольна ль собою, не знаю...

На землю пришла я в назначенный срок.
Мой полдень и зноен, и ал, и высок.
— Воды! — говорю я.—
Мне б только глоток!
Из Яхча — чтоб зубы ломил холодок.
На дальних путях, на сплетеньях дорог
Мне мало напиться зеленого чая...

Земной дастархан полон яств и вина.
Здесь слезы соцветий — медов желтизна.
Здесь ведомо с детства любому сполна,
Какая пшеничной лепешке цена.
Здесь тост самый главный во все времена:
— За счастье и за долголетье живущих!

За хлебом насущным спешит муравей.
Улыбка врачует недуги людей.
Бессмертна любовь на планете моей.
И плаваются тучи от ярких лучей.
Меж счастьем и горем,
Как меж двух огней,
Жизнь тайны свои постоянно проносит...

БРАТЬЯ

Два брата, две судьбы, но свет один в глазах,
Две боли, два лица, два счастья — так похожи!
Тот ложную звезду искал на небесах,
Другой прирос к земле всем сердцем, всею кожей.

Тот силился в стихах соединить слова,
В банальностях ища натужно смысл глубокий.
А у другого песнь и впрямь была жива:
Он черпал для нее из древней почвы строки.

На кладбище не раз он приносил цветы,
О матери скорбя, к отчаянью был близок.

А тот —
Спешил в музей, возжаждав красоты:
Там копия была портрета Моны Лизы...

* * *

Со всем, в чем ты грешен, ты все же паришь надо мною,
А я, хоть безгрешна, боюсь перейти твой порог.
Любой твой каприз может править мою судьбою,
Молю, чтобы ты никогда рассердиться не мог —
Ведь я же погибну, увидев лицо твое злое.

Свирепствует ветер в ночи, длиннорукий, жестокий,
Снега до утра ударяются в стену мою,
Следы твои еле видны у меня на пороге.
Ушел, чтоб убить чье-то счастье.
Я молча стою.
Но кто похоронит тобою убитые строки?

* * *

Мой недруг,
Молю, чтобы вечным ты был,
Иначе я стала бы жизни не рада.
Кто мне бы мои недостатки открыл,
Когда бы тебя я не видела рядом?

И если был холоден взгляд твоих глаз,
Теплели другие глаза предо мною.
Нападки твои отражая не раз,
Я жизнь свою отождествляла с борьбою.

От стужи твоей исцеленье ища,
Я огнепоклонницей сделалась смело,
Душа у тебя не была бы нища —
И я бы душою не разбогатела.

Бери все, на чем остановится взор.
Чем я, кроме мужества, в жизни богата?
Его неспроста высота моих гор
В приданое мне завещала когда-то.

Тебя не виня и тебя не кляня,
Тебе от души долголетия желаю.
Хоть ты каждый день убиваешь меня,
Но жить без тебя не смогла бы сама я...

* * *

Тот дом.
То сердце.
Пламя то святое.
Та ненависть. Та радость. Та тоска.
Ушел, часть жизни унося с собою.
Моя судьба по-прежнему горька.

Без жалости себя мы убивали.
И вот нас нет. Все сожжено дотла.
Мы души за ошибку наказали —
За ту, что самой первой была.

Хоть мы с тобой под общим кровом жили,
Из общей чаши пили что ни день,
Но были мы с тобой всегда чужими —
Как боль и радость
И как свет и тень.

ЧУЖОЕ ЭХО

Чужое эхо долетело вдруг.
«Рухсор! Рухсор!» — меня зовет забыто.
Теперь твой голос, мой далекий друг,
Принес мне только отзвуки обиды...

Обида ты моя, я твой укор:
Все распределено здесь честь по чести.
В сокровищнице мира с давних пор
Любовь сияет на почетном месте.

А без нее удача — словно тьма.
А без нее мгновенье — дольше века,
Жизнь без нее — как ханская тюрьма,
Где равнодушно сердце человека.

Я за любовью на рассвете дня
Пришла однажды к твоему порогу,
Богач, ты встретил нищую меня
Высокомерно, царственно и строго.

Но повернулось жизни колесо:
Теперь тебе нужна любовь как милость,
А я давным-давно забыла все,
А я другой надеждой излечилась.

Да, вышедшее в путь издалека,
Бездомным не осталось мое чувство:
Моя душа, как горная река,
Круша и сохраняя берега,
С трудом себе прокладывала русло.

Жизнь — колесо извечное.
И вот
Теперь ты сам обеспокоен мною.
Но я иною стала в свой черед,
И все, пойми, вокруг меня иное.

Один всегда торопится всерьез,
Другому всюду вроде бы не к спеху,
Тот вечно задыхается от слез,
А этот вечно давится от смеха.

...Уж крепкий сон сошел под каждый кров.
Одни певцы лишь и не спят, быть может.
Пришла ты поздно, старая любовь,
А ведь была всей жизни мне дороже!

Чужое эхо долетело вдруг.
«Рухсор! Рухсор!» — но мне в глаза взгляни-ка
И навсегда оставь меня, мой друг:
Того, кто умер, не разбудишь криком!

* * *

Когда в разлуке я найду свою кончину,
Придешь иль не придешь — мне будет все
едино...

Народное двустихие.

Соседа своего
Ходила поминать я.

Он утром за порог шагнул заре в объятья.
А вечером домой внесли его собратья.
И не вошел, а вплыл он головой вперед.
Соседа своего
Ходила поминать я.

Поскольку я о нем не так уж много знала,
Выносливым его и сильным я считала,
Казалось, в жизнь влюблен он с самого начала,
А у него в душе такая боль была...
О, как же я о нем, выходит, знала мало!

Он сиротою рос,
Он был голодным вечно.
Но вырос щедрым он, простым и человеческим.
Был дом его друзьям раскрыт добросердечно,
Но в суете сует не думалось о том,
Что жизнь всегда одна, что время быстротечно.

Над дастарханом скорбь стояла тамадою.
В молчанье и в слезах — дыханье ледяное.
Мы собрались — зияло место пустотою...

Я до сих пор жила, как будто во хмелю,
Но отрезвел мой дух пред этою бедою.
Я поняла тогда:
Всему цена — мгновенье.
Мгновенье — доброта.
Мгновенье — прегрешенье.
И наши на земле так призрачны владенья.
Да будет жизнь, пока жив будет человек.
Иль мы осилим смерть — иль нас осилит тленье...

* * *

Эй, сплетник, если нет похвал, наветом очерни,
не знаешь щедрости моей, скупую назови!
Молчанье — золото,
но ты не им наполнил дни.
Ну что же, сплетничай, болтай, рекою лжи плыви!
Плети, что хочешь про меня,
но все ж не навяжи
того, что даже и в глаза я видеть не могла.

И грех, в котором нет вины, ты мне не припиши.
Играя именем моим,
себе не делай зла.
Ты можешь друга потерять
и сблизиться с врагом,
который с нетерпением ждет минуты важной той,
когда вдруг, явленная в мир чуть слышно, шепотком,
пустая сплетня расцветет
и станет клеветой.
Болтай же, сплетник!
Не хвати, однако, через край.
Как смерть — в одежде друга враг
возле дверей твоих.
Играй же именем моим,
но не переиграй!
Ну что же, сплетник! Ври, болтай!..
Чего же ты притих?..

ДУШАНБИНСКИЕ ДУВАЛЫ

Меж небом и землей почти что нет преград.
Но вот добро от зла, неверие от веры
надежно отделил барьеров крепкий ряд.
Стоят и меж людьми незримые барьеры.

Мой город, о тебе я с гордостью скажу:
так безоглядно ты, с задором запевалы,
как будто бы сорвал, отбросил паранджу,
отринул от себя, убрал свои дувалы!

И мне людских сердец доверие тотчас
открылось, и глаза застлали счастья слезы.
И красота домов не спрятана от глаз,
и грустно не глядят из-за решеток розы.

Да здравствуют вовек открытые сердца!
Дай бог, чтоб их везде все чаще узнавала.
Не прячет город мой прекрасного лица.
И меж сердцами нет ни одного дувала.

ПРЕДАННОСТЬ

От звонких слов
До тающего эха,
От нежности цветов
До жгучих ран

Я — дочь твоя,
Земля и слез и смеха,
Высокая земля —
Таджикистан.

От страха трус,
Как лев, рычит над миром.
От слабости —
В руках убийцы нож.
Но не ножом сильна я,
А Памиром,
На Вахш и Сыр
Характер мой похож.

И камень и песчинка
Тут с рожденья
Вошли навеки
В плоть мою и кровь.
Служить тебе — священной нет
Служенья.
Любви нет чище, чем к тебе любовь.

Нет у меня земли
Тебя роднее.
Ведь здесь мой дом —
Мне дом иной не дан.
Судьбу и душу —
Все несу тебе я,
Высокая земля —
Таджикистан!

* * *

Неповторим этот радостный мир.
Не покидай меня!
Невозвратим каждый прожитый миг.
Не покидай меня!

Желтая краска осеннего дня,
осени желтый халат
о быстротечности жизни твердят...
Не покидай меня!

У отдаленных высоких вершин
солнечным днем и во мгле,
милой земли преданный сын,
не забудь о земле!

Я тоже дочь этой земли.
Счастье ее храня,
не пропади в дальней дали...
Не покидай меня!

Храм свой покинь,
в дом мой приди,
в сердце-дому живи.
Как я хочу взор твой найти
взглядом моей любви!

Пусть никакой
не будет другой!
В бездны свои маня,
неповторим этот радостный мир,
невозвратим каждый прожитый миг...
Не покидай меня!

* * *

Жить без любимого — словно брести по дороге в туман
с сердцем озябшим... Это не жизнь, но и не смерть.
Жить с нелюбимым — бросить судьбе вызов посметь —
самосожженье, самоубийство, самообман.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Вчера в палату вдруг вошла весна,
Как старый друг, ко мне пришла она.
Сперва в окно смеялась, как дитя,
На хворь мою надулась не шутя,
Потом цветов охапку принесла —
И боль утихла от ее тепла.

И на щеках моих расцвел миндаль,
И сердце словно устремилось вдаль,
Мой взгляд опять на мир глядел светло.
Не понял врач мой, что произошло.
Мне койка стала тронем жизни вдруг.
И озарилось счастьем все вокруг.

Пришла весна — и мой недуг угас,
Я ощутила новых сил запас.
От зимних стуж,
От той усталости,
Которая ко мне не знала жалости,
От холода в крови
Средь бела дня
Весна спасла улыбкою меня!

ОЖИДАНИЕ

Тебя ждала я, но пришел другой.
Закрыла дверь с потухшими очами.
Пришла сестра,
пришел односельчанин...
Тебя я ожидала, дорогой,
и дверь не открывала
в час печали.

Ты не пришел, хотя я так ждала!
Тандыр остыл.
Черствели в нем чапоты¹.
И шерстяное покрывало ночи
редело на глазах...
И ночь ушла.

Стучался только ветер в дверь мою,
твой черновестник,
стужею пылая,
и стало словно в северном краю
на жарком юге,
где тебя ждала я.

МОИ ДОМ

Из-под камня горы выбивается ключ —
Умирает, наверное, жаждущий где-то.
Солнце краешком выглянуло из-за туч —
Дали нищему хлеба со словом привета.

Пулю в первом полете птенец повстречал —
Без крылатой надежды попробуй помайся.
Ты ли в двери мои наконец постучал,
Иль какой-нибудь вестник небесный сказал:
«Межпланетный корабль приземлился на Марсе!»

¹ Чапоты — вид лепешки.

Ни души на планетах, как сказано, нету,
Люди, будем беречь нашу землю, как дом.
Умещается в доме моем вся планета,
Лишь тебе уместиться не выпало в нем.

ТУПОЙ НОЖ

Разлучившись с тобой, я сама не своя, право слово.
Песня боли моей, может быть, схожа с бредом больного.
Разлучившись с тобой, хохочу, вызывая улыбку.
И своими слезами смываю свою же ошибку.
Сад души моей глохнет, как в засуху, не выживает.
Мне сказали,
Одна из красавиц лучами очей вышивает
Сюзане для тебя, чтобы стену украсить кривую.
Стало жаль мне красавицы бедной! Но я не ревную.
Ты столетний мертвец в моей памяти. Пусть я невольно
Иногда о тебе и заплачу,
Но сердцу не больно.

ОПЯТЬ Я УПАЛА...

О том, как вынослива я, знает камень дорожный.
Как я терпелива — дивясь, вам колючка расскажет.
Ребенок растет — без падений расти невозможно.
Я падала столько,
Что камень изранила даже.

И снова упала...
При всех, посередине дороги.
Не боль от ушиба,
А стыд наполнял меня мукой.
И, как виноватая,
Я огляделась в тревоге:
Никто не смотрел на меня,
Не протягивал руку.

Я встала поспешно, никто не заметил покуда,
Сердясь на себя и себя в сотый раз проклиная.
Ну сколько же падать на ровной дороге я буду,
Когда ни одной высоты до сих пор не взяла я?

Я падаю больно всегда
И с трудом поднимаюсь.
Друзья ли помогут,
Сама ли —
Но сердце в итоге
Всегда говорит мне, меня успокоить пытаюсь,—
Не падаю я,
Низко кланяюсь Родине в ноги.

* * *

На старых минаретах ищут взоры
от времени поблекшие узоры...
И реставратор кисточкой своей
нам открывает чудо давних дней.

У старых стен особенная стать.
Веков морщины — в штукатурке новой,
но кисть соприкоснется с их основой,
сумеет слои столетий отлестать.

В молчанье стен мы слышим тех, кому
уделом было вечное молчанье,
но стали их громовыми речами
узоры, что не канули во тьму.

Как много значат эти черепки!
Вот склеенный кувшин — всех новых краше,
он словно сердце, и оно, как наши,
от боли разбивалось и тоски.

Поэты мира,
мастера, творцы!
Когда же, как полотна, как дворцы,
лицо земли, единственной, родной,
израненное горем и войной,
ведомые надеждой и добром,
влюбленным восстановите пером?

* * *

Покуда я любимого найду,
жизнь отцветет, как сад порой осенней.

Быть с гордостью готова не в ладу —
о, выпало бы это потрясенье!

Зачем я верю верности его?
Ведь все совсем наоборот от века.
Мой плен — обман, — и больше ничего! —
баюкающий сердце человека.

Что он мне даст, осенний листопад?
О днях весны сильней тоскует птица.
Начала жизни свадебный наряд
в поношенное платье превратится.

Когда приносит горе людям рок,
как трудно пережить минуты эти!
Но всех слабее тот, кто одинок,
кто не нашел любви своей на свете.

* * *

Мне снился сон,
как будто умер ты...
О, неужели ты подрубишь ветку
моей надежды и моей мечты?
О светоч мой! Как путь найду я к свету?

Пускай весна не шлет мне ни цветка,
а ты будь, как сама весна, в цветенье!
Удел мой — одинокая тоска,
тебя да не задеть ей даже тенью!

Твоим я счастьем счастлива тайком,
меня обогревает это чувство.
Иди же к своей радости пешком,
в машине к горю своему помчусь я...

Мне снился сон,
как будто нет тебя.
А ты...
Ты обо мне — хоть раз, хоть где-то. —
ты выдохнул молитвой, про себя:
«Она жива! Какое счастье это?!»

Сны женские, вы, к счастью, неверны.
И, приведя к порогу новой встречи,
забыть заставив страхи все и сны,
моя любовь тебя увековечит.

* * *

Сердце, слушай речи мудрецов,
Будь разумным, наберись терпенья!
Хватит быть шальным, в конце концов
Наступает время отрезвленья.
Будь разумным, сердце,
Будь разумным!

Не мешай собравшемуся в путь,
Избегай в беседах повторенья,
О свече погасшей позабудь,
Не нарушь чужого сновиденья,
Будь разумным, сердце,
Будь разумным!

Жизнь проходит, словно не спеша.
Оглянись в дороге на мгновенье.
Чтоб не ныла от обид душа,
Чтоб не знать мне головокруженья,
Будь разумным, сердце,
Будь разумным!

Средь голодных — сытым будь всегда,
Яростно вступай за честь в сраженье,
Радуйся, печалься иногда
И о смерти думай без волненья,
Будь разумным, сердце,
Будь разумным!

Искру вдохновенья сохрани,
Без нее от стужи нет спасенья:
Улетит — пройдут впустую дни,
А погаснет — как верну горенье?
Будь разумным, сердце,
Будь разумным!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Отчизна. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	3
Мать. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	3
Сыну Азизу. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	4
«Учителя мои!...» <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	5
Послание болгарскому поэту И. Милеву. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	6
Гостья. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	7
Ради тебя. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	8
Спасение. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	9
«Бесстрашною рукой поймала я пчелу...» <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	10
«Мое сердце — подранок двадцатого века...» <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	11
Запоздалая встреча. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	11
В один голос с плачущим ребенком. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	13
Бегу от себя. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	13
Жажда. <i>Перевела Р. Казакова</i>	14
«Эти руки, мой друг, эти очи...» <i>Перевела Л. Гребенщикова</i>	15
Праздник колыбели. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	16
«За хлебом насущным...» <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	17
Братья. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	18
«Со всем, в чем ты грешен...» <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	19
«Мой недруг...» <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	19
«Тот дом...» <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	20
Чужое эхо. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	20
«Соседа своего...» <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	21
«Эй, сплетник...» <i>Перевела Р. Казакова</i>	22
Душанбинские дувалы. <i>Перевела Р. Казакова</i>	23
Преданность. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	23
«Неповторим этот радостный мир...» <i>Перевела Р. Казакова</i>	24
«Жить без любимого...» <i>Перевела Л. Гребенщикова</i>	25
Выздоровление. <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	25
Ожидание. <i>Перевела Р. Казакова</i>	26
Мой дом. <i>Перевел В. Соколов</i>	26
Тупой нож. <i>Перевел В. Соколов</i>	27
Опять я упала... <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	27
«На старых минаретах ищут взоры...» <i>Перевела Р. Казакова</i>	28
«Покуда я любимого найду...» <i>Перевела Р. Казакова</i>	28
«Мне снился сон...» <i>Перевела Р. Казакова</i>	29
«Сердце, слушай речи мудрецов...» <i>Перевела Т. Кузовлева</i>	30

Гулрухсор САФИЕВА

РАДИ ТЕБЯ

Редактор **Е. А. Антошкин**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдан в набор 27.08.84. Подписано к печати 22.10.84
А 00440. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная.
Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ.
л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,53. Усл. кр.-отт. 1,58.
Тираж 91 000 экз. Изд. № 2749. Заказ № 3422.
Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865, ГСП. Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

**● МАСТЕРСКИЕ ПО РЕМОНТУ
МЕТАЛЛОИЗДЕЛИЙ ОКАЗЫВАЮТ
НАСЕЛЕНИЮ БОЛЕЕ 50 ВИДОВ УСЛУГ.**

Здесь точат коньки, ладят лыжные крепления, чинят велосипеды, мясорубки, дают новую жизнь старинным самоварам, приводят в порядок любую металлическую посуду.

Сдавая в ремонт зонт, не забудьте, что можно не только починить его металлические части, но и заменить верх. Затупились в доме ножницы, ножи, пилы или другие режущие инструменты — в мастерской их снова сделают острыми как бритва.

А если Вы все еще не бросили курить, здесь починят и заправят Вашу газовую зажигалку.

Росбытреклама